

С.Д. Сказкин

**Очерки по истории западно-
европейского крестьянства в
средние века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.Д. Сказкин**
Очерки по истории западно-европейского крестьянства в средние века / С.Д.
Сказкин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 380 с.

ISBN 978-5-458-39763-6

ISBN 978-5-458-39763-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

формации — пролетариата. Рожденный новым социально-экономическим строем буржуазного общества с его революционной техникой, пролетариат как класс, сознающий себя таковым, сложился под влиянием передовой интеллигенции, часть которой стала идеологами пролетариата и впервые создала науку о развитии общества, такую же точную, как естествознание. Эта наука установила законы развития общества и положение каждого класса во всех классово-антагонистических обществах, в том числе и положение крестьянства в феодальном обществе. Впрочем, для того чтобы быть точным, следует сказать, что первыми, кого заинтересовала история крестьянства, были «реакционные романтики» первой половины XIX в., которые противопоставляли «здоровую» деревенскую жизнь городской «испорченности» и в классе крестьянства видели панацею против «язвы пролетариата». Это, однако, не помешало им сказать много верного о крестьянстве, что не раз и с уважением констатировали классики марксизма-ленинизма.

Идеологи пролетариата, создав подлинно научную теорию развития человеческого общества, бесконечно углубили наше познание и проникновение в существо исторического процесса, дали нам возможность совершенно объективно судить о значении каждого класса в предшествующем развитии человечества, в частности, о значении крестьянства при господстве феодальных производственных отношений, о его революционной роли в буржуазных революциях, о его судьбе при господстве буржуазных производственных отношений, когда крестьянство перестает быть единым классом и создается деревенский пролетариат, союзник пролетариата промышленного в его борьбе за полную ликвидацию феодализма, за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, за установление диктатуры пролетариата. Эта роль крестьянства делает его историю актуальнейшей проблемой современности, особенно если принять во внимание господство в ряде стран Востока, Африки и Латинской Америки феодальных производственных отношений, вследствие чего аграрный вопрос, ликвидация крупной феодальной земельной собственности и наделение крестьянства землей в этих странах — одна из наиболее важных проблем в наши дни; мы не говорим уже о ряде стран современной Европы, где остат-

ки феодальных порядков в сфере аграрных отношений все еще дают о себе знать (Италия, Испания) и где их окончательная ликвидация будет, надо надеяться, задачей уже не буржуазно-демократических, а социалистических революций.

Прежде чем приступить к изложению конкретной истории крестьянства при господстве феодальных отношений, необходимо остановиться на некоторых общих вопросах и характере тех проблем, которые мы пытаемся разрешить или по крайней мере осветить на страницах этой книги.

Прежде всего, мы не собираемся излагать историю крестьянства по отдельным странам Европы со всеми ее конкретными особенностями. Конечно, не лишена была бы смысла попытка изобразить такую конкретную историю крестьянства для каждой европейской страны в отдельности. Но эти особенности так же велики, как и особенности истории каждой страны европейского континента в целом; поэтому такой задачи автор книги, как и лектор специального курса, из-за ее грандиозности себе не ставил. Его задача заключалась в другом: изучить закономерности в истории тех институтов, которые или были общими для различных стран, либо, будучи специфическими для отдельной страны, позволяют более точно и основательно вскрыть основные общие тенденции аграрного развития во всех странах Европы. Именно эти общие задачи делают вопрос о периодизации истории крестьянства и о принципах, лежащих в основе этой периодизации, особенно важным.

Излагая историю крестьянства при феодализме, мы исходим из обычной периодизации истории средних веков: ранее средневековье с его единственной экономической основой — сельским хозяйством и единственным эксплуатируемым классом крестьянством; развитый феодализм или классический период средневековья, когда наряду с сельским хозяйством и деревней появляется город и ремесло, а вместе с развитием того и другого развиваются товарно-денежные отношения; и, наконец, позднее средневековье, период разложения феодальных производственных отношений и зарождения элементов капиталистических отношений в недрах феодального хозяйства. Каждый из этих периодов, поскольку речь идет об истории основного эксплуатируемого класса — крестья-

яинства, имеет свои собственные проблемы, которые необходимо здесь предварительно наметить для того, чтобы стала ясна структура работы.

Основная проблема первого периода истории средневековья — становление системы феодальных производственных отношений и возникновение крестьянства как класса феодального общества. Эта проблема в свою очередь состоит из ряда проблем общего для всей Европы порядка.

Проблема перехода так называемых «варварских» народов — германцев и славян от первобытнообщинной формации к феодальной, минуя формацию рабовладельческую. Само собой разумеется, что в данном случае дело идет не о том, чтобы доказывать, что такой путь неизбежен для всех народов и во все времена, а лишь о том, чтобы объяснить фактическое положение в истории Европы, ибо здесь такой переход оказался не подлежащим сомнению фактом не только для тех племен и народностей, развитие которых совершалось во взаимодействии с разлагающимся рабовладельческим строем, но и для тех, где такого взаимодействия не было или оно было очень слабым, как, например, на севере Европы — в Скандинавских странах или в Восточной Европе, у восточных славян.

Другая проблема — проблема общины. Значение этой проблемы очень велико и учение основоположников марксизма о стадиях развития общины от родовой до общины-марки и роли последней в аграрной истории средневековья подтверждает необходимость подробного освещения этой проблемы. Мы увидим, что многое в истории крестьянства как зависимого класса феодального общества становится понятным только в свете существования общинных порядков.

Третья проблема — сам процесс феодализации и становления феодальных производственных отношений — не нуждается в подробном обосновании.

Следующая проблема нами озаглавлена «Феодальная собственность и крестьянское землевладение». Она посвящена раскрытию правового содержания феодальной собственности и коррелятивного с ним понятия землевладения, ибо чем безусловнее понятие о собственности, тем ограниченнее понятие владения как правового состояния, связанного с собственностью. А так как фео-

дальная собственность на землю есть особая форма, отличающаяся и от рабовладельческой, и от буржуазной собственности, то иным оказывается и владение землей при господстве феодализма. Тщательное изучение этого вопроса, как мы увидим, предохранит нас от многих возможных ошибок в суждении о собственности и владении, когда дело идет о применении этих правовых понятий к феодализму. У нас за последнее время создано несколько подозрительное и даже пренебрежительное отношение к изучению юридической стороны реальных правовых отношений. Известная доля основания для такого отношения, конечно, есть; нельзя только по нормам объективного права судить о том, каковы были реальные отношения. Все это верно, но, с другой стороны, нельзя и пренебрегать изучением юридической документации, особенно в тех случаях, когда всякая другая документация по тем или иным причинам исторически недоступна. И в то же время работа над юридическими источниками, когда они сопровождаются другими, более близкими к реальным отношениям документами, весьма плодотворна. Нельзя забывать, что всякая действующая в жизни правовая норма является отражением реальных правовых институтов, и поэтому как исторический источник служит для понимания подчас весьма сложных и для нас не всегда понятных правовых обычаев и порядков. И как раз понятия феодальной собственности и владения — один из примеров сложности юридического мышления давно исчезнувших правовых обычаев, всякая модернизация которых с точки зрения более поздней эпохи была бы неправомерной и внесла бы лишь путаницу в историческое исследование.

И, наконец, последняя проблема этой первой части нашей книги говорит о формах классовой борьбы крестьянства в раннее средневековье. Говоря о формах классовой борьбы, необходимо помнить, что классовая борьба есть факт конкретный и формы ее зависят от объективной обстановки, в которой она протекает. Борющиеся люди ставят себе определенные цели и действуют при помощи определенных средств — и все это зависит от конкретной обстановки, которая с течением времени изменяется. Поэтому в каждый период истории средневековья история крестьянских движений и восстаний должна изучаться особо. Здесь, в первой части нашей работы,

мы даем историю классовой борьбы крестьянства раннего средневековья.

Вторая часть нашей работы открывается главами, посвященными развитию производительных сил и структуре феодальной вотчины, под каким бы названием в Западной Европе она ни существовала. Можно задать вопрос, почему вотчиной мы начинаем вторую часть своей работы, ведь вотчина завершает собой процесс феодализации, и вследствие этого главе о вотчине естественнее оказаться в первой части? В общих чертах ее описание читатель найдет там. Во вторую же часть книги мы поместили подробное описание и эволюцию вотчины в период развития товарно-денежных отношений в интересах удобства и цельности изучения вотчины как основной ячейки феодального хозяйства и общества, ячейки, в которой происходит образование феодальной ренты и ее распределение. Именно эта последняя функция вотчины — распределение феодальной ренты — претерпевает существенные изменения во второй период средневековья, а вместе с нею происходят важные изменения в аграрном строе феодализма в целом, а следовательно, и в положении класса крестьянства. Важность этой темы заставила автора проделать ее анализ на материале Англии и Франции, двух стран, где она нашла свое классическое выражение. Заканчивается вторая часть общим очерком материального положения крестьянства в середине века и подведением итогов тех изменений, которые произошли в аграрном строе и положении крестьянства под влиянием развития товарно-денежных отношений во второй период средневековья.

Третья часть книги, соответственно третьему периоду средневековья, посвящена тем изменениям, которые произошли в аграрном строе Западной Европы и в положении западноевропейского крестьянства под влиянием развития в недрах феодальных производственных отношений элементов капиталистического хозяйства. Формы так называемого первоначального накопления по отдельным странам Западной Европы, проблема так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе и формы классовой борьбы крестьянства в этот, третий период средневековья в сравнительно-историческом освещении, — таковы основные проблемы третьей части книги.

В заключение считаю необходимым еще раз подчеркнуть, что автору этой книги, может быть, больше, чем кому-нибудь другому ясно, что он не затронул весьма многих проблем истории крестьянства в период господства феодальных производственных отношений и что эта работа лишь частично является подведением итогов всего того, что сделано по этим проблемам в советской и зарубежной историографии. Задача автора заключалась в том, чтобы познакомить изучающих историю средневековья и, в первую очередь историю трудовых масс средневековья, по крайней мере с основными и наиболее общими проблемами этой истории и наметить пути дальнейшей работы по этим вопросам. В какой мере такая задача решена автором, судить, конечно, не ему, а читателям.

Считаю своим приятным долгом поблагодарить моих товарищей по кафедре истории средних веков исторического факультета Московского университета и по сектору истории средних веков Института истории АН СССР за ценные замечания, сделанные при ознакомлении с проблемами этой книги.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

ТЕХНИКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В АНТИЧНОСТИ И В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Оценка источников. Хозяйственные занятия «варваров» в эпоху Салической правды. Характеристика римского сельского хозяйства. Плуг и рало; другие сельскохозяйственные орудия. Виды вспашки. Удобрение земли. Уход за посевами и уборка урожая. Скотоводство. Садоводство. Агрικультура раннего средневековья в сравнении с римской. Орудия производства; системы земледелия. Виды сельскохозяйственных культур; их урожайность. Огородничество, садоводство. Скотоводство. Взаимоотношение римской и средневековой агрিকультуры. Так называемый «Каролингский ренессанс».

Развитие производительных сил определяет возможность революционного перехода от одной формации к другой. Для «варварских» народов, вступавших на сцену истории в период разложения у них первобытнообщинного строя, а также для рабовладельческого общества, на территории которого «варвары» обосновались, этот уровень производительных сил состоял прежде всего в уровне развития сельского хозяйства. Как известно, древние германцы и славяне не знали развитого рабовладельческого строя и перешли прямо к феодальным производственным отношениям. Однако уже здесь можно задать себе вопрос относительно того, в какой мере этот переход был обусловлен состоянием развития производительных сил, уровнем, который позволил этим народам перешагнуть, так сказать, через одну формацию и подняться до феодализма, минуя рабовладение. «Феодализм вовсе не был перенесен в готовом виде из Германии; его происхождение коренится в организации военного дела у варваров во время самого завоевания, и эта организация лишь после завоевания,— благодаря воздействию производительных сил, найденных в за-

воеванных странах, — развилась в настоящий феодализм»¹.

Для решения этого вопроса необходимо изучить, с одной стороны, состояние сельского хозяйства у «варваров» до их окончательного расселения на территории бывшей Римской империи или вне ее на окраинах европейского континента, с другой — состояние сельского хозяйства у римлян ко времени соприкосновения с римлянами «варваров». Последнее необходимо для того, чтобы иметь представление о том, что могли позаимствовать «варвары» от римлян и что они позаимствовали от них в действительности.

Одна из самых больших трудностей, которые приходится преодолевать при решении этих вопросов — крайняя ограниченность и скудость источников. Никаких агрономических трактатов, подобных тем, которые нам оставили римские агрономы, от времени раннего средневековья у нас нет. «Варвары» были еще слишком «некультурны» для того, чтобы создавать ученые сочинения по сельскому хозяйству. До нас дошли лишь случайные замечания и отрывочные данные в источниках юридического характера, например, в «Варварских правдах» и документах хозяйственного порядка, вроде известного всем средневековому «*Capitulare de Villis*», в полиптиках и картуляриях или в таком своеобразном источнике, как знаменитые «Этимологии» Исидора, епископа Севильского, — памятнике VI в., в котором в перечне слов, подлежащих объяснению, мы находим также ряд терминов, относящихся к сельскому хозяйству. Некоторые данные мы имеем от времени так называемого Каролингского Ренессанса, но это в основном замечания любителей и практиков сельского хозяйства и сочинения их специально агрокультуре не посвящены. Агрономические сочинения в Западной Европе относятся к гораздо более позднему времени, не раньше XII в. Таково, например, сочинение испанско-арабского агронома Ибн-аль-Авама «Книга об агрокультуре» (XII в.), трактаты итальянца Крешенци (XIV в.), Фицгерберта (Англия), Хересбаха (Германия) и француза Оливье де Серр (все три относятся к XVI в.). Правда, в этих сочинениях мы встречаем отдельные указания, относящиеся к более раннему

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 74.

времени, но это опять-таки случайные факты. Несколько больше дают археологические памятники, но и они случайны и редки, так как первобытные орудия создавались главным образом из дерева и вследствие этого не сохранились, а железные части к ним оказались деформированы ржавчиной и временем. Более полное представление дают рисунки и мелкие скульптурные изображения римских сельскохозяйственных орудий, образцы которых приводит советский историк М. Сергеенко в интересном и важном исследовании о сельском хозяйстве древней Италии². Но такого документального материала для раннего средневековья нет (рисунки, главным образом — миниатюры, относятся к более позднему времени). В целом напрашивается естественное заключение относительно скудости наших сведений о сельскохозяйственной технике и агрикультуре раннего (да и в значительной мере развитого) средневековья.

Наше представление об уровне производительных сил, и прежде всего об уровне сельского хозяйства — основного вида хозяйственной деятельности германских и славянских народов в период их окончательного расселения на почве Европы, складывается из фактов, засвидетельствованных источниками двух видов: сведений самих «варваров», главным образом франков, и сведений римлян (Цезарь, Тацит, Страбон и др.), с которыми «варвары» вошли в это время в соприкосновение.

«Основным занятием салических франков (еще задолго до основания Франкского государства) было земледелие, с которым было тесно связано весьма развитое скотоводство»³, — так в целом характеризует хозяйство франков один из крупнейших современных специалистов по истории раннего средневековья. Салическая правда упоминает стада крупного рогатого скота, лошадей, овец, коз, свиней и различные породы домашней птицы. Скот мог пастись и без пастуха (этим объясняются штрафы за покражу колокольчика с вожака свиного стада или

² См. М. Е. Сергеенко. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 40—51.

³ А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 96 и др. Все споры о том, были ли германцы того времени номадами или полунномадами и в какой мере у них еще сохранялись самые примитивные формы земледользования, существенного значения сейчас уже не имеют.

стада мелкого скота, а также за кражу бубенчика и пут с коня), но часто при стадах имелись пастухи. Это явствует как из упоминания о пастушеской собаке и о свинопасе, так и из следующего указания: «Если кто, заставши на своей ниве чужой скот без пастуха, загонит его и никому не заявит об этом...»⁴. Очевидно, стадо обычно паслось под надзором пастуха, но от него могли отбиться отдельные животные. Наряду со скотоводством франки занимались охотой, рыболовством, пчеловодством. Важнейшую роль у них играло, конечно, земледелие, но, по-видимому, издавна было развито и огородничество.

Казалось бы, что, войдя в соприкосновение с римлянами, германцы очень много должны были заимствовать от высокоразвитой римской агрикультуры, но исследователи, специально занимавшиеся этим вопросом, обращают внимание на то, что потребовались века, прежде чем новые народы освоили чрезвычайно высокую во всех отношениях сельскохозяйственную технику античного Рима, и что, например, в огородничестве и особенно садоводстве уровень римской агротехники был достигнут в Западной Европе не раньше XVI в. Когда «варвары» осели окончательно на территории империи, они, будучи земледельцами, встретились с культурой гораздо более высокой, чем их собственная. Нет и не может быть никакого сомнения в том, что германцы, особенно те их племена, которые поселились непосредственно на римской территории, например в Италии, в современной Франции и в Западной Германии, воспользовались многим из того, с чем они встретились. «Синтез» разлагавшегося рабовладельческого общества и разлагавшегося первобытнообщинного строя выражался в подъеме производительных сил в «варварском» обществе», и, несомненно, здесь имело место заимствование «варварами» римской техники сельского хозяйства. Но римская сельскохозяйственная техника была чрезвычайно высока, и «варвары» могли позаимствовать только некоторые элементы ее.

Итак, познакомимся прежде всего с техникой сельского хозяйства древних римлян той поры, когда «варвары» стали расселяться по территории Римской империи.

Расцвет сельского хозяйства древней Италии относится к II в. до н. э. Книга Катона «О земледелии», в кото-

⁴ Lex Salica, IX, § 2.